

Алексей Будищев

Лесничий Орн

Алексей Николаевич Будищев

Лесничий Орн

Аннотация

«Красивый уланский ротмистр граф Ян Тарновский, кутаясь в дорожный плащ, пряча лицо от липкой измороси и холодного ветра, ехал на стройном, гнедом скакуне обок со своим дядей Громницким, похожим на Дон-Кихота и по всей своей долговязой фигуре, и по длинной седеющей эспаньолке...»

Содержание

I	4
II	12
III	20
IV	27

Алексей Будищев

Лесничий Орн

I

Красивый уланский ротмистр граф Ян Тарновский, кутаясь в дорожный плащ, пряча лицо от липкой измороси и холодного ветра, ехал на стройном, гнедом скакуне обок со своим дядей Громницким, похожим на Дон-Кихота и по всей своей долговязой фигуре, и по длинной седеющей эспаньолке.

Бледное лицо Тарновского, еще не вполне оправившегося от раны, полученной им за Неманом, где шрапнельной пулей ему пробило навывлет правое легкое, болезненно хмурилось от неприятных мыслей, не дававших ему покоя. А Громницкий невозмутимо торопил своего коня. Однако, когда он увидел на лице племянника гримасу самого острого беспокойства, он спросил его:

– Тебя беспокоит твой лесничий Орн?

– Как и все эти последние дни, – вздохнул Тарновский, капризно пожав плечом. – Он не выходит у меня из головы. Это чистое наваждение!

– После твоего поранения ты стал психопатом, – заметил Громницкий хмуро. – Это очень грустно, но это так!

– Почему? – спросил Тарновский, – разве мои мысли не имеют под собой ни малейшего основания? А почему тогда Орн не везет мне денег за сплавленный еще в июле, августе и сентябре лес? Восемь тысяч рублей для меня очень значительная сумма, и я не хочу, чтобы она попадала в руки к немцам...

– К немцам? – с улыбкой переспросил Громницкий.

– Ну, да, к немцам, – почти закричал Тарновский с досадой. – Орн три раза назначал мне сроки, когда он привезет мне эти деньги, и трижды он обманывал меня. И теперь я убежден, что он не американец по происхождению, как глясят его документы, а просто-напросто немец. И он, очевидно, ждет сейчас случая, чтобы утечь, вместе с деньгами, конечно, – ведь, восемь тысяч – куш! – к своим соотечественниками, благо немецкая армия всего в восьмидесяти верстах от моих имений. Вот увидишь, мы приедем сейчас в лесную усадьбу, и поцелуем пробой! Он уже утек, лесничий Орн, и мои денежки – ау! Это уж так!

Седые усы Громницкого дрогнули.

– Помнишь, на той неделе, – сказал он, – ты уверял меня, что лесничий Орн – типичный венгерец, а его глухонемой конторщик Родбай – венгерский румын родом из Трансильвании. Помнишь?

– А может быть, он и венгерец!

Тарновский вздохнул и замолчал.

Дорога шла прекрасным сосновым лесом и круто, почти

под прямым углом, загибала вправо. Огромные сосны вздымались кругом.

Громницкий пожал плечами, нахмурился и дал шенкеля коню.

– Надо торопиться, уже темнеет, – сказал он, – поспешим увидеть загадочного лесничего!

Тарновский, точно борясь с своими сомнениями, спросил его:

– Значит, ты веришь лесничему Орну?

– Всею душой. Он чистокровный американец, ирландского происхождения. Вот сейчас мы приедем к нему, и ты убедишься своими глазами, что на лесном хуторе все преблагополучно. Он встретит нас, как всегда, с распростертыми объятиями и за ужином угостит нас великолепным бигосом с тушеной капустой, жареными тетеревами и крепчайшим розовым ликером домашнего производства!

Тарновский точно бы повеселел.

– Ты думаешь? – спросил он снова, видимо желая верить дяде.

– Не думаю, а убежден, как и в том, что я Томас Громницкий, любящий тебя всею душой.

Тарновский тронул своего гнедого скакуна стеком. Тот с места взял рысью.

Хохлатые дятлы кричали с сосен, и пронзительно взвизгивали сойки, срываясь из-за кустарника.

Дул свежий ветер, гудя в соснах.

– А тебе, Ян, вообще надлежит взять себя в руки. Ты начинаешь нервничать из-за каждого пустяка. Ты уже переутомился войною, а нам предстоит воевать, быть может, еще столько же, – заметил Громницкий племяннику. – Надо беречь себя и не волноваться из-за глупостей!

Лес внезапно расступился, образуя широкую поляну. Тускло и угрюмо глянули широкие окна дома, где помещался лесничий Орн. Только одно угловое окно было освещено в этом мрачном доме. Тени метались мимо этого окна.

– Вот мы и приехали, – сказал Громницкий, – сейчас все твои сомнения рассеятся. Я уже предвкушаю и вкусный бигос, и ароматный ликер, и глотаю слюнки!

Они подъехали к конюшням, но ни одна живая душа не вышла к ним навстречу. Вся лесная усадьба, как казалось Тарновскому, спала и видела жуткие сны.

– Ни души, – отозвался он хмуро.

Белыми, мягкими, мокрыми хлопьями падала с неба изморось и, касаясь земли, растворялась в черную жижу.

– Ни души, – вновь повторил граф Тарновский, забеспокоившись. – Странно! Во всей усадьбе ни души! Да и в доме освещено лишь одно окно!

– Ну, раскудахтался! – заметил Громницкий с улыбкой. – Эка невидаль, что в лесной усадьбе не столь многолюдно, как в шикарном ресторане! Подвяжем наших коней и пойдем к крыльцу. Бигос все-таки от нас не уйдет! Вот увидишь!

Они двинулись к темному фасаду дома. Шумел ветер

в вершинах леса, и падали, все падали мокрые хлопья, сизым мельканьем наполняя мрачные гудящие пространства.

Когда Тарновский и Громницкий проходили мимо единственного освещённого окна, они внезапно остановились пораженные, недоумевая перед загадкой. В глубине той комнаты стояли и говорили в полголоса двое с бритыми лицами очень похожие на лесничего Орна и на его глухонемого конторщика Родбая, с тою только разницею, что те обладали такими роскошными бородами, а щеки этих были так же гладки, как и их ладони.

– Они побрились оба, – проговорил Тарновский, кивая на окно: – и Орн, и Родбай. К чему им понадобилось сбрить их бороды? Опять фокус-покус?

– Просто каприз, – пожал плечами Громницкий. – Как ты придиричив, Ян!

– А почему глухонемой заговорил? – спросил Тарновский. – Разве ты не слышишь ясно сиплый голос Родбая? А давно ли мы все считали его за глухонемого?

– Вот это, действительно, немножко странно – гм! Но странно не значит еще преступно, – заметил Громницкий, – и я еще не теряю надежды покушать бигоса и попить ликера.

– И, конечно, глухонемой заговорил не иначе, как по-немецки, – со вздохом уронил Тарновский. – Ты слышишь?

Они оба поднялись на крыльцо, и Тарновский хотел было постучать стеклом в дверь. Но Громницкий положил ему

на плечо руку.

– Если ты нервничаешь и беспокоишься, не лучше ли вернуться нам домой? – спросил он племянника, вдруг точно обеспокоившись и сам.

Но тот ответил:

– Я уже заинтригован по горло и возвращаться назад не в моих силах. Девай поплывем по течению – что будет, то будет!

Он опять хотел постучать стеклом, но дверь оказалась незамкнутой. Тарновский осторожно потянул ее к себе и вошел в дом, сразу же останавливаясь затем.

Прихожая освещалась светом, падавшим из соседней комнаты, и это делало ее жуткой. Сиплый голос «глухонемого» Родбая прилетел сюда.

– Немцы никого не боятся, кроме Бога, – говорил тот, которого раньше считали глухонемым. И говорил по-немецки.

Граф Тарновский умышленно громко хлопнул дверью и стал сбрасывать с себя походный плащ. Громницкий закашлялся. Из внутренней комнаты слышались торопливые шаги.

Через мгновение в прихожую со свечою в руках вошел лесничий Орн в высоких сапогах, в серой куртке с зелеными отворотами, огромный, сильный, ловкий, как атлет из цирка. Он растопырил руки.

– Боже, кого я вижу, – зычно и весело заговорил он. – Как я рад, граф, что вы сами пожаловали ко мне! Впрочем,

если бы вы сегодня не оказали мне этой высокой чести, завтра утром я был бы у вас с восходом солнца!

Он протянул графу обе руки и стал трясти его за локти. Затем самым почтительным образом он поздоровался и с Громницким. И повел обоих в освещенную угловую комнату, где на круглом столе бурлило в кофейнике кофе. Нарезанная ломтиками колбаса красовалась на тарелке. Лежали булки и рядом вздымался живописный флакон ликера. Родбай с мрачным видом глухонемого улыбался и показывал гостям жестами:

– Очень рад вас видеть!

И по временам испускал дикое мычание, каким все глухонемые сопровождают свои восторги.

Орн спрашивал:

– Чем вас угощать? Чаем или кофе? – и дружелюбно похлопал Родбая по плечу. – И ты рад гостям, мой немой дурачок? Да? Д-да?

Тарновскому стало страшно, так страшно, что у него закружилась на мгновенье голова. Когда Родбай поднял высоко обе руки, чтобы прибавить огня в лампе, Тарновский ясно увидел, под его курткой сбоку были привешены к поясу: огромный пистолет Наган и, очевидно, очень длинный кавказский кинжал в серебряной оправе.

Тарновский стиснул зубы и опустил на стул.

– Я предпочитаю выпить стакан хорошего кофе, с двумя рюмочками ликера, – заметил он и вытянул с самым спокой-

ным видом ноги. Пальцы его рук стали зябнуть.

II

Родбай, низенький, но чрезвычайно широкий, с низким лбом и бычачьей шеей, поместился против Тарновского, поглядывая на него маленькими заплывшими глазками. А Орн говорил Тарновскому:

– Мы вас сегодня совсем не ждали, – хотя завтра утром, если вы только этого хотите, возможно устроить хорошую охоту по глухарям. Вы будете у нас, конечно, ужинать и ночевать?

– Всенепременно, – ответил Громницкий любезно.

Тарновский молчаливо кивнул головою. Ему пришло в голову:

«А что если мне и Громницкому самим первым напасть на этих разбойников? Ведь, ясно, что они что-то злоумышляют против нас»...

Он сказал вслух:

– Я с удовольствием поохочусь завтра по глухарям. Я люблю эту охоту.

Родбай, может быть, не выдержав представления, или радуясь заранее своему торжеству, громко расхохотался. Но Орн сердито посмотрел на него. Тот прекратил смех и двинул ногами. Он так же, как и Орн, был в высоких сапогах; шведская кожаная куртка одевала его туловище. Словом, и он был одет по-дорожному.

Тарновский вновь напряженно подумал:

«Чтобы предупредить их нападение, нам необходимо напасть на них первыми! Это ясно! Но как надлежало это сделать?»

Он поник в размышлении.

Все четверо они сидели за круглым столом, и висячая лампа щедро освещала их лица и всю эту четырехугольную комнату. К стеклам окон липла изморось, и протяжное гуденье ветра проносилось порою над крышей, как рев трубы. Вышло так, что Тарновский сидел между Орном и Родбаем, и он подозрительно ощупывал глазами то того, то другого, ища выхода, чтобы не быть захлопнутым в хитроумной ловушке, изоцряя свою мысль. Все в нем томилось черными предчувствиями, как перед грозой.

Орн вдруг оживленно заговорил, приближая свое бритое лицо к строгому лицу Тарновского:

– Вообразите, граф, какой со мной произошел случай на той неделе. Это могло окончиться для меня чрезвычайно трагически, если бы не роковое сцепление обстоятельств. Знаете ли вы, что в ваших лесных дачах появились бурые медведи? Уверяю вас! Я видел двух своими глазами и сейчас я вам об этом расскажу!

Лесничий сделал широкий жест. Родбай замычал, как мычат глухонемые, желая принять участие в разговоре. Но Орн проворно повернулся к нему.

– Не мешай мне рассказывать, дурачок, – проговорил он

дружелюбно, – ибо все равно ты только можешь мычать, как бычок. Помолчи. Так вот на той неделе, – заговорил он снова, склоняясь к графу, – я встретился с двумя этими скотинами. Вот как это произошло. Я шел с ружьем на плече один одинехонек, и ружье мое было заряжено дробью 8. Я шел и глядел на белок, прыгавших по вершинам сосен. И вдруг... – Орн даже хлопнул в ладоши. – И вдруг... Эйн, цвей, дрей... – точно вскрикнул он.

Вместе с этими словами Орн внезапно с напряженной стремительностью нагнулся к полу и, схватив за передние ножки стул, на котором сидел граф Тарновский, и опрокидывая его набок, он ловко сбросил самого Тарновского на пол. А Родбай, как по команде, проделал то же со стулом Громницкого. И в результате оба гостя очутились поверженными на пол, в то время как Орн и Родбай, наставив на них огромные пистолеты Нагана, с холодными и строгими лицами, грозили им смертью. Затем Орн, не отводя своего пистолета, холодно произнес:

– Германия выше всего! Простите, граф, что я нарушил все правила гостеприимства и поступил с вами так круто. А теперь понапрасну не пугайтесь, ибо, если вы не будете защищаться, я вас не трону и пальцем. Итак, держите ваши руки подальше от ваших карманов, потихоньку вставляйте на ноги и становитесь затылком в угол рядом с вашим дядюшкой. Вот так! Благо-дарю вас! Пока мне от вас более ничего не надо! Еще раз благодарю вас! А теперь вас ми-

нуточку посторожит здесь обоих, конечно, с Наганом в руке, мой глухонемой крошка Родбай, в то время, как я буду иметь принести веревочки, маленькие такие штучки, чтобы связать вам, извините меня, ручки и ножки! Родбай, делай губами, мой крошка, как на валторне «Вахту на Рейне», между тем, как я достигну веревочек для увязания этих двух судариков. «Вахту на Рейне», Родбай! – говорил, не умолкая, Орн.

Родбай сипло расхохотался, проиграл на губах известный мотив немецкой национальной песни и сипло закричал, потрясая Наганом:

– Господа, помните: немец всегда и везде победит! И не думайте грубо осуществляться в своих замыслах! Хох, великая Германия!

Через мгновение руки и ноги Тарновского, точно так же, как руки и ноги Громницкого, были крепко связаны не толстой, но на диво прочной веревкой, их браунинги отобраны от них, а сами они были брошены как туши, в этой же комнате на кожаный диванчик. После этого Родбай убавил в вишечей лампе огонь.

Орн сказал Тарновскому с покойной и холодной усмешкой:

– Не поскучайте, граф. На минуту я должен вас покинуть, ибо у меня с Родбаем полон рот компот, или как это говорится у вас в пословица? Мы заняты 25 часов на сутки, ибо мы немцы, а не кто-нибудь, и наша голова работай, как локомо-

тив! Минуточку до свидания и будьте здоровеньки!

И он вместе с Родбаем исчез в соседней комнате, плотно затворив за собою дверь.

Громницкий, кряхтя, повернул голову к племяннику.

– Я не брежу? – спросил он его.

Тарновский проговорил:

– Мы живем в такие времена, когда действительность похожа на больной бред сумасшедшего. Будем терпеливы! Мы сами залезли в проклятую ловушку и должны пенять только на себя.

Тарновский вздохнул.

Между тем дверь комнаты снова тихонько отворилась и бочком в нее вошли Орн и Родбай. Орн приблизился к диванчику, на котором сидели связанные Тарновский и Громницкий, а Родбай опустил у круглого стола, налил себе крепкого кофе и стал жадно пить его.

– Чтоб не оставлять вас в неприятельском недоумении, – холодно заговорил Орн, присаживаясь на кресло рядом, – я должен разъяснить вам все, ибо я не мошенник, а патриот, я и Родбай – лейтенанты великой германской армии! Я и он те, которые поклялись страшною клятвой отдать все свои силы отечеству. Когда я и он, – ткнул он в Родбая, – нанимались к вам, мы уже знали, что мы предадим вас и ваши средства в железные руки великой германской армии, если тому настанет черед, не гнушаясь никакими средствами, признав за благо каждый ужас, который будет полезен нашему мечу!

Историю всегда куёт железный молот, а не розовая сентиментальность, и мы решили вновь призвать к жизни звере-человека, того, который жил на земле во времена доисторические, лишь бы продиктовать всей нашей планете условия, которые соответствуют физической мощи и духовным силам великого германского народа. Мы решили попятить историю земли назад, лишь бы захватить верховенство в наши руки...

– Заговор против человечества, – воскликнул Тарновский запальчиво.

– Да, заговор против человечества, – поддакнул Орн. – Мы уверены в своих силах, – и мы убеждены, что несколько миль назад, это ничто с тем прогрессом, который восстановится затем на земле благодаря нам. Мы решили упразднить, стереть с лица земли Францию, Англию и Россию, вырождающуюся Францию, торгашескую Англию и темную, дикую, стихийную Россию, которая, к слову, все-таки нам более всех симпатична по настроению своих огромных, но не организованных сил...

– Благодарю вас за столь лестное мнение, – жестко усмехнулся Тарновский.

– Не стоит благодарности, – холодно пожал плечами Орн. – Вспомните, еще Бисмарк утверждал, что от смешения германской расы с славянской произойдет тот Великий, который украсит собою землю...

– Уберменш? Сверхчеловек? – дико и злобно расхохотался Тарновский. Но Орн не удостоил его даже ответом.

– Тот Железный Исполин, по которому тоскует земля, – сказал он уклончиво, – и мы решили на всей Европе и на большей части Азии начертать всего только три слова: Великая Железная Германия. Новый организатор человечества. Ибо, если бы мы овладели Россией, Францией и Англией, мы, значит, овладели бы и всею землей. Когда овладеешь слонами, не ясно ли, что мыши будут заперты в мышеловке? И когда мы разделались бы с Россией, Францией и Англией, ясно, что даже обе Америки, два огромных материка её, стали бы только не больше, как нашей колонией. Значит, во имя осуществления этой мечты возможно ли быть разборчивым в средствах? Постигаете ли вы всю эту феерию? Для таких головокружительных высочайших целей все средства одинаково прекрасны. Когда паришь за облаками, даже земля кажется не больше песчинки. Стоит ли тут еще церемониться?

Орн расхохотался. Родбай, отодвинув стакан с кофе, тоже прыснул раскатистым смешком.

Тарновский проговорил:

– Какой вздор! Никаких высоких целей вы не преследовали, вы просто мечтали ограбить все банки Петрограда, Парижа и Лондона! Вы хулиганы, вообразившие себя Наполеонами. Вы – разбойники, мечтающие только о грабеже! Вы – звери, упивающиеся кровью!

– Мы – победители мира, – сипло заорал во все горло «глухонемой» Родбай и стукнул кулаком по столу, – мы Новые Римляне, мы первая раса мира, на которой благослове-

ние Божие! Мы – красота вселенной!

Тарновский презрительно двинул губами, скользко поглядев в его сторону, и, пожав плечами, спросил деловито Орна:

– Во всяком случае, что вы намерены делать с теми моими деньгами, которые вы получили за сплавленный лес?

Но Орн глубоко задумался и точно не слышал этого вопроса. Его лицо было строго и холодно, а жирное лицо Родбая все сияло самым наглым торжеством.

III

– Да, – заговорил снова Орн через минуту, – нами предусмотрена каждая мелочь, вычислена каждая соринка за и против. И мы не можем ошибиться в своих расчетах. Историю всегда делали железо и арифметика, и теперь обе эти силы на нашей стороне. Значит, все выйдет так, как мы того ожидаем. Вашему торжеству не бывать. Даже Болгария, на которую вы так рассчитывали, стала на нашу сторону, уверовав в наше торжество. Бог за нас!

– Вы думаете, что сейчас Бог на стороне предателей? – спросил холодно Тарновский. – Предатели, которые подняли руку на своих освободителей, – вас скорее должно пугать их содружество и ратное соседство. Ведь, только их и не доставало в вашем стане и они были нужны вам, чтобы переполнить чашу долготерпения Господня! Так вот смотрите, не ошибитесь в расчетах, быть может, Балканы таят в себе много неожиданностей...

– Например? – самоуверенно переспросил Орн.

Тарновский с расстановкой сказал:

– А что, если Турция повернет дуло своих ружей против Болгарии, сообразив, что Россия больше ни за что не повторит старого опыта спасения вероломных? Что, если ей придет охота подчинить себе снова свою прежнюю райю? Быть может, Бог вот именно так покарает предателей? Вам не при-

ходит этого в голову? Ведь, Турция же, наконец, может понять, что интересы её и Болгарии все равно никогда не могут быть согласованы, а относительно проливов она может и договориться с Россией, заключив с нею и с Англией союз? Разве это так уже неестественно?

– Турция вся под нашим гипнозом, – ответил Орн, – она думает только то, что мы ей подсказываем. Ваша комбинация невысказана.

– Едва ли! – отозвался Тарновский, – не прошло еще и трех лет, как Болгария вела войну с Турцией и победоносную войну, ибо она была не одна. Страсти воскресают, а соблазн навсегда истребить даже малейшее напоминание о Сан-Стефанском договоре – может быть уж очень велик. Чтобы София не зарилась на Царьград, Царьграду может снова прийти охота поработить Софию. В особенности, если на то будет соизволение России и Англии.

Тарновский коротко и сердито рассмеялся, запрокидывая голову. По лицу Орна как будто прошло беспокойство. Род-бай глядел в глаза лесничего, раскрыв рот.

– Может быть, английская дипломатия орудует уже во всю на этот повод, и русские знают об этом? – спросил он у Орна сипло и тихо. Его жирное лицо тоже выразило беспокойство.

– Глупости, – проговорил Орн, все еще хмурясь. – Все, что знают русские, знают и немцы. И у немцев все подсчитано и развешано, как в аптеке! Граф передергивает факты! Это его исключительность в фантазия!

– Вы говорите ерунда! Чепуха-чепуховина! – закричал Родбай Тарновскому. – Германия все взвесила! Как пять на пять!

Тарновский пожал плечами и снова задал Орну тот же вопрос:

– Во всяком случае, что вы намерены делать с теми моими деньгами, которые вы получили за сплавленный лес?

– Я говорил вам, – с досадой отозвался Орн, – я не жулик, а патриот. Я доставлю эти деньги в штаб 16-ой кавалерийской дивизии завтра же к вечеру! Это непременно!

– А со мной и Громницким как поступите вы? – справился опять Тарновский...

– Вы мои пленники, – отвечал Орн просто. – Завтра к вечеру я доставлю и вас обоих в тот же штаб. И это тоже все-непременнойше. Ибо нами предусмотрена и здесь, как всегда, каждая мелочь! – И Орн поднял кверху указательный палец. – Ведь, мы же немцы!

– Так говорит победоносная Германия, а каждое её слово – закон! – захохотал сипло Родбай.

– Каждую мелочь предусмотреть невозможно, – отозвался Тарновский насмешливо.

– Немец может! – похвастался Орн, – вот мы хотя и не ждали вашего визита, но все-таки предусматривали и его и, видите, разыграли все, как хорошо срететированную пьесу! В своем предусмотрении мы единственны!

– Мы можем! – горделиво воскликнул и Родбай.

«Неужели нам пришло время пропадать?» – с тоской подумал Тарновский.

Ему стало холодно. Его скрученные назад руки ломили.

«Ужели все кончено?» – подумал и Громницкий хмуро.

Родбай и Орн переглянулись, точно догадавшись о их мрачных мыслях, и молча пошли из комнаты, почему-то стараясь ступать тише своими тяжелыми сапожищами. Но через минуту Орн снова отворил дверь и вошел в комнату. Он был уже без сапог, в одних носках, и его ноги мягко ступали по полу.

– Вы, конечно, еще не спите? – справился он не без деликатности. – И может быть вам мешает огонь лампы? Возможно, что для вас будет удобнее, если я крошечку, немножко-таки, убавлю огонь?

Вместо ответа Тарновский повернул к нему лицо.

– Мы в вашей власти, распоряжайтесь, как хотите, – выговорил он сухо. – Но напрасно вы так самообольщаетесь; каждую мелочь предвидеть нельзя, и России вам не одолеть! И Англии вам не одолеть, и Франции! Ваш кровавый заговор против человечества раскрыт, и значит он погребен навсегда, как незадачливое предприятие посредственных бухгалтеров, вообразивших себя вдруг Наполеонами Великими и заболевших этой манией грандиоза! Маленький Капрал останется в блестящем одиночестве. Вы не побываете ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Петрограде, ни в Москве, ни в Риме! И не получите в счет контрибуции ни медной

полушки! Вы лишь с ног до головы обольетесь кровью, разорите до нищеты все рабочее население, по крайней мере, на двадцать лет подорвете торговлю Германии! Вы добьетесь того, что слово немец станет ругательным на всех языках Европы и вашим договорным обязательствам не захочет больше верить ни один народ. Вы будете возбуждать к себе не ужас, о нет! А лишь презрение и... отвращение! Европе, опирающейся на мощные союзы, не будут страшны 120 миллионов немецких разбойников. Да, впрочем, их даже не будет и 120 миллионов. Все славяне Австрии отвернут свое лицо от обрызганного с ног до головы кровью человеческой шваба, и даже венгры не захотят иметь с немцами ничего общего. Великая Лоскутница расплзется по всем своим швам. А в разоренной Германии, лишенной своей торговли, начнется такая эмиграция, что в ней вместе со швабами через пятьдесят лет едва ли будет насчитываться и сто миллионов. А в России, знаете ли вы, сколько будет насчитываться через этот же промежуток?

– Сколько? – тихо, но вызывающе спросил Орн.

– Россия увеличивается на три миллиона в год. Значит, через пятьдесят лет в ней будет около 320 миллионов. Великий Европейский Союз, который будет заключен, дабы бороться с преступными замыслами преступной германской расы, и в который войдут Россия, Англия, Франция и Италия, а может быть и еще другие государства, будет исчислять свое население примерно вот в какой грозной цифре: 320 м.

+ 500 м.+ 120 м.+ 60 м. – 1000 миллионов. Слышите? Тысячу миллионов! Не правда ли, что это совершенно достаточно для того, чтобы сдерживать в невольном добронравии даже самых закоренелых негодяев! Значит, мир будет обеспечен и гарантирован весьма устойчиво, и никакой новый Вильгельм Окаянный не рискнет нарушить его. Земля будет наслаждаться благоденствием, и именами старых немецких людоедов, – Трейчке, Бернгарди, Вальдерзее, Вильгельм Второй Окаянный, – лишь няньки будут пугать проказничающих детей!

– Вы думаете так в своем ослеплении?

– Я думаю так.

– Значит, вы предсказываете, что Турция вновь завладеет Болгарией?

– Да.

– Что Россия непобедима...

– Да.

– Что через пятьдесят лет Россия, Англия, Франция и Италия будут составлять один мощный противогерманский...

– Противоразбойничий!

– ...противогерманский союз, который будет насчитывать в себе тысячу миллионов человеческих жизней?

– Да.

– В то время, как в Германии вместе с Австрией будет всего лишь сто миллионов?

– Да, да, да! – холодно отчеканил Тарновский.

Дверь в четырехугольную комнату отворилась. Жирное лицо Родбая просунулось в эту щель.

– Глюпости! Глюпости! Глюпости, – завопил он. – Чепуха Чепухевна Чепуховская! Германия выше всего!

– Не волнуйся, мой толстячек, – сказал Орн, – граф и сам не верит своим словам. Он, как дитя, утешает себя нарядной сказкой! И только! Он в протiwоестественном смещении!

С этими словами Орн встал на стул, убавил огонь в лампе, небрежно бросил:

– Покойной ночи, граф!

И твердыми решительными шагами вышел из комнаты.

Выл ветер за окнами и над крышею дома. Шипели деревья и беспокойно жаловались на что-то.

Тарновский сказал вслух, во весь голос, точно бы вскрикнул:

– Не погибнет Россия! Не погибнет Польша! Не погибнет Сербия! Не погибнет Славянство!

– Не сгинет Польша, – повторил и Громницкий, как молитву.

IV

Сокрушительные удары, молниеносно обрушивающиеся на человеческую голову, бреду подобные, похожие на бури переживания часто до того опустошают душу, что человека бросает сразу в непостижимый, мертвенный сон. Нередко приговоренные к смерти спят так же глубоко, покойно и непробудно, как и грудные младенцы. Тарновский и Громницкий тоже, как это ни странно, погрузились сразу же в какой-то непроницаемый сон, точно их выбросили из лодки в воду. Потом в каком-то мутном полусне-полуяви Тарновский увидел: к ним в комнату без сапог вошли, осторожно ступая, Орн и Родбай и долго прислушивались к их дыханию.

– Спят, – проговорил затем Орн по-немецки.

– Штиль, штиль, штиль, – приложив палец к губам, предостерегал Родбай.

– Спят, – опять произнес Орн.

И стал внимательно оглядывать, пробуя наощупь, крепко ли связаны руки и ноги обоих узников.

– И тигру не перервать этих пут! – осторожным шёпотом проговорил снова Орн.

– Штиль! – поднял кверху свой толстый палец Родбай. – Значит, мы можем спать совершенно покойно часа четыре!

– Совершенно покойно!

– А потом в путь?

– Ну, да. К великой германской армии.

Оба немца снова многозначительно переглянулись, торжественно улыбнулись и тихо поплыли вон из комнаты, ступая на цыпочках и балансируя руками, точно они шли по канату.

– Штиль, штиль, штиль, – приговаривали они оба.

Тарновский тотчас же проснулся, как-то сразу стряхнув с себя сон. И тут же он ярко и отчетливо увидел на полу, под поваленным стулом, на котором он сидел перед тем страшным нападением, тускло блеснувшее ему в самые глаза мельхиоровое огниво, которое, очевидно, вывалилось при падении из его кармана. Он поднял голову, сделал страшные глаза, сложил в трубу губы и вдруг тихо повалился набок, снова поверженный в глубочайший сон.

Восьмилетняя дочка его, голубоглазая Анелька, прыгая, подбежала к нему в ту же минуту, хлопая в ладоши, и ликующе затараторила, как серебряный колокольчик:

– Огниво! огниво! огниво!

Прекрасное лицо графини, его жены, с глазами, полными слез, склонилось к нему.

– Янко, огниво, – сказала она ему, – проснись же!

И тогда та духовная сущность, которая бодрствует в человеке даже тогда, когда сам человек спит, напрягаясь до высочайшей степени, стала будить тело Тарновского.

– Огниво, огниво, – точно трубила она ему в уши, – или ты не видел огнива?

И тогда Тарновский мучительно улыбнулся и... проснулся. Тускло горела полупритушенная лампа в комнате. Пахло керосином. И было еще темно в широких окнах. Падали белые звезды и тотчас же таяли на стеклах. И из соседней комнаты приносилось бурлящее дыхание двух спящих, похожее на клокотанье кипятящейся воды.

«Огниво, – подумал Тарновский, чувствуя, что его скрученный назад руки и связанные ноги затекли, – огниво!»

Он повернул голову и под поваленным стулом снова увидел блекло светившееся огниво.

– Огниво, – прошептал он, – наше спасение!

Две слезы выдавились из его глаз и поползли к губам.

Тарновский с предосторожностями тихо приподнялся с дивана и пошел по полу к поваленному стулу, делая крошечные шажки не более дюйма. Затем он опустился на пол рядом с поваленным стулом, повернулся задом и стал шарить руками по полу, пока он не нащупал ими огнива. Зажав его в ладони, он с теми же предосторожностями пошел к дивану, беззвучно скользя, ни единым шорохом не нарушая тишины.

– Мы спасены, мы спасены, – только бы не проснулись немцы.

Но немцы спали, и клокотанье кипятящейся воды все еще бульбулькало в соседней комнате. Тарновский подплыл к диванчику. Склоняясь, он позвал дядю:

– Томас, проснись ради Бога. Спасение в наших руках,

Томас.

Громницкий долго жевал губами и с досадою морщил щеку, но потом он повернул лицо к племяннику.

– Что ты? – спросил он шёпотом.

Тарновский зашептал, задыхаясь от волнения:

– Спасение наше уже у меня в руках! Веришь ли ты, Томас? – И он рассказал дяде о своей, Богом ему посланной, находке. – Огниво спасет нас! – нашептывал он, как в бреду.

Громницкий уже проснулся.

Оба они, делая дюймовые шажки связанными ногами, передвинулись к окошку, чтобы свет огнива, когда Тарновский нажимом кнопки зажжет его в своей руке, не разбудил тех страшных звереподобных немцев. Тарновский шептал Громницкому:

– Теперь ты повернись ко мне задом и попробуй приблизить путы рук своих к огниву, которое вот у меня в руке, вот в этой! Ну! Сейчас я зажигаю его! Берегись, Томас, отдергивай руки, как только вспыхнет веревка, и рви путы!

Веревка вспыхнула и через мгновенье упала к ногам Громницкого. А тот торопливо развязал свои ноги и затем освободил от уз Тарновского. И осторожными шагами они двинулись затем в ту комнату, где спали немцы. Один из них спал на диване, другой на кровати, оба одетые, с открытыми ртами.

– Покойной ночи, – улыбнулся им обоим Тарновский, – сладкого пробуждения!

У Родбая под голову была положена подушка, а у Орна туго набитый дорожный сак.

«В этом саке деньги и документы», – решил Тарновский.

Рядом на высоком комодe из красного дерева горела тоже полупритушенная лампа, а возле неё лежали два пистолета Нагана, два браунинга, длинный кавказский кинжал и огромный финский нож. Тарновский опоясался кинжалом, спрятал в карман браунинг, повесил к поясу Наган. Громницкий вооружился остальным. Потом оба они благодушно закурили по сигаре, взяли в руки страшные пистолеты обоих немцев, придвинули стулья, – Тарновский к постели Орна, Громницкий к ложу Родбая, – и, попыхивая сигарами, стали терпеливо ждать. Часы столовой пробили пять, половину шестого, шесть. За окнами просветлело. И желто-розовые тени вкрадчиво поползли по полу к ногам двух сидевших с пистолетами в руках людей. А часы тикали, равнодушно меряя время.

Когда лицо Орна стало морщиться от предутреннего молочного света, Тарновский грозно выдвинул вперед свой пистолет. Орн вскрикнул и стал протирать глаза. Потом его рот раскрылся четырехугольником, а затем искривился, а бритое лицо его выразило один сплошной ужас, дикий и нелепый.

– Не удивляйтесь, – холодно выговорил Тарновский, – но дело в том, что каждую мелочь не может предвидеть даже и немец. На этот раз вы упустили из виду выпавшее из моего кармана огниво, которое нас и спасло, предав затем в наши

руки и вас самих. Замышляя свой поход на Россию, Францию и Англию, вы, может быть, тоже упустили какую-нибудь мелочь, например, российское долготерпение, французскую любовь к родине, или... английский флот, и вашу затею постигнет, быть может, катастрофа так же, как постигла и вас! Не шевелитесь, и берегите ваш череп, я объявляю вас своим пленником! Слышали?

А Родбай, проснувшись и увидев почти у своих губ страшный Наган Громницкого, тоже долго не верил глазам и вскрикивал:

– Глупости, глупости, глупости! Я этому не верю! Это сон! Не больше, как сон!

А потом горько заплакал...

Через три часа пленников привели в усадьбу Тарновского, и их вид был таков, точно их только что вынули из воды.

Всю их немецкую наглость точно сдуло ветром, и они весьма сконфуженно и скромно потирали зябнувшие руки.

А графиня Тарновская, благодарная за спасение мужа, отдала вделать в его мельхиоровое огниво прекрасный рубин из своей серьги, великолепный рубин, подобный капле крови.

Трагичнее всего то, что это огниво, однако, оказалось несомненно... немецкой фабрикации.

Свое предало своих...